

## Глава 11

— Чэньчжи, о чём задумался?

Мо Хань — ведущий отряда — стоял на летящем клинке и обернулся, окликая Цю Чэньчжи сквозь облака.

Тот полуприкрыл глаза, рассеянно наблюдая за облаками, что скользили под ногами, — пальцы сами собой стиснули рукоять меча.

— Всё хорошо.

Он старался не думать о высоте, избегал смотреть вниз и ответил подчёркнуто ровно, хотя лицо оставалось блее мела.

Только сейчас он понял: в этом мире наряду с уличными гонщиками существует и отдельная каста гонщиков на летящих мечах.

Прежде, когда они перемещались меж горных пиков, высота не слишком его тревожила. Но стоило отряду выйти за ворота ордена, как давящие ограничения горных запретов рассеялись — и вся эта братия, намаявшаяся в горах, вырвалась на волю и понеслась ввысь, кто выше кого.

Судя по высоте, они сейчас находились на добрых десяти тысячах метров. Вокруг него — целая ватага монахов, для которых самолёты в принципе лишняя роскошь: каждый дышит легко, смотрит беспечно, переговаривается и смеётся.

В солнечных лучах белые одежды юношей сливались в сплошное полотно, что полоскалось на ветру. Каждый был опрятен, в соломенной шляпе, с открытым и приятным лицом.

Порой налетал ветер — срывал шляпы с молодых голов, и под солнцем обнажались гладкие круглые черепа, что поблёскивали, отражая свет не хуже начищенных бронзовых зеркал.

Кхм...

Цю Чэньчжи молча отвернулся.

Он был главным виновником того, что большую часть учеников ордена постигла участь яиц-болтанок. Совесть его была не слишком чиста.

Когда-то, снедаемый сомнениями и желая вырвать правду из уст главы ордена Тяньцин-цзы, он решился на отчаянный шаг: пустил в ход меч и схлестнулся с учениками старейшины Наньхуа.

И выиграл. Тяньцин-цзы явился к нему лично: успокоил, объяснил всё с глазу на глаз и даже предложил стать клиентским старейшиной Ордена Великого Небытия.

Он получил ответ, которого добивался... но пообещал главе кое-что взамен.

Тяньцин-цзы попросил его заменить тяжелораненого старейшину Наньхуа и сопроводить отобранных учеников к Малому Иллюзорному Царству.

При этой мысли Цю Чэньчжи невольно прикрыл лицо рукой.

«В ордене строил из себя всезнайку, опираясь на Священный артефакт. А теперь за воротами — всё выйдет на чистую воду...»

— Ой-ой! —

Пронзительный вскрик вырвал его из раздумий. Он поднял взгляд.

Оказывается, тот самый ученик, у которого ветром сдуло шляпу, попытался её поймать, но порыв оказался слишком силен. Парень метнулся за шляпой на мече — туда-сюда, вверх-вниз, вопя и размахивая руками, — и теперь неся прямо на Цю Чэньчжи наискосок.

Цю Чэньчжи с Мо Ханем стояли на одном мече. Старший брат ордена, завидев летящего прямо на них ученика, нахмурился и протянул руку — поймал горе-охотника за шляпой за шиворот.

— Старший брат...

Молодой ученик болтался в воздухе, удерживаемый за ворот, и продолжал по инерции тянуться за шляпой, что давно уже падала куда-то вниз.

Глядя на этот дышащий светом яйцеобразный череп, Цю Чэньчжи невольно поморщился. Теперь-то он понял, откуда брались те полные обиды, муки и затаённого страха взгляды, которые ученики бросали на него исподтишка.

Он дёрнул Мо Ханя за рукав:

— Пустяки.

Мо Хань и сам понимал состояние учеников и не собирался устраивать разнос. Разжав пальцы, он бросил коротко, без выражения:

— Впредь — без самостоятельности.

Ученик пробормотал что-то в ответ и камнем рухнул вниз — догонять шляпу.

Долго глядя ему вслед, Цю Чэньчжи всё же не выдержал и вздохнул:

— Это моя вина.

Мо Хань услышал тихий вздох за спиной — что-то шевельнулось в груди. Он обернулся и произнёс твёрдо:

— Нет. Ученики старейшины Наньхуа первыми начали провоцировать. Ты лишь дал отпор и никого не убил.

Он посмотрел Цю Чэньчжи прямо в глаза, и привычная холодноватость в голосе чуть-чуть смягчилась:

— Ты поступил правильно.

Цю Чэньчжи:...

Он покосился на густые чёрные волосы Мо Ханя и скорбно покачал головой.

Нет, тот просто не понимает чужой боли.

В тот день, когда чёрное пламя поглотило всё, унося вместе с собой волосы и одежды, Мо Ханя как раз куда-то вызвал глава ордена. Он не был на месте. Он не испытал того, что испытали остальные.

Цю Чэньчжи — чьи собственные волосы когда-то доходили до пояса — скорбно покачал головой... и внезапно вспомнил об одном человеке.

«Интересно, как там поживает этот маленький золотоволосый? Сильно ли его задело огнём?»

Он оттолкнулся от чужого меча и легко перепрыгнул на свой собственный.

Давалось это непросто. Чтобы никто не заподозрил его в новичковстве, он тайком, пока никто не видел, упражнялся часами и часами. И всё же — теперь он умеет летать на мече самостоятельно.

Мо Хань обернулся — и обнаружил, что Цю Чэньчжи уже отдалился.

— Чэньчжи?

Тот стоял прямо, сдвинув руки за спиной, кончик сапога едва касался тонкого лезвия, лицо оставалось спокойным:

— Лети вперёд. Мне нужно найти кое-кого среди учеников.

Не дав Мо Ханю ответить, он скользнул вперёд — вспышка света, — и уже растворился среди белых фигур позади.

Мо Хань остался один.

На лице его промелькнуло нечто странное.

С тех пор как глава ордена побеседовал с Цю Чэньчжи наедине, Мо Хань всё отчётливее замечал: тот будто намеренно держит дистанцию. Прежде они всегда летели на одном мече — Мо Хань вёл, Цю Чэньчжи стоял рядом. Теперь же, по непонятной причине, тот даже этого не хотел.

«Неужели дух моего меча разочаровался во мне? Неужели намерение клинка утратило чистоту?»

Мо Хань — человек меча, не умеющий читать людей, — замкнулся в собственных сомнениях.

\*\*\*

Тем временем Цю Чэньчжи скользил среди учеников. Белые фигуры расступались перед ним, как волны, давая дорогу новому клиентскому старейшине.

— Приветствуем старейшину.

— Старейшина!

— Почтительно кланяемся старейшине...

Большинство юных учеников — с одной стороны боясь явленной им мощи, с другой терзаясь горем по утраченным причёскам — не решались подойти и лишь украдкой бросали на него взгляды, полные обиды и тоски.

Но нашлась и небольшая часть, очарованная его холодной и безупречной статью, — такие сами шагали навстречу, чтобы поздороваться.

Цю Чэньчжи был молчалив от природы, однако к этим вежливым юнцам относился с тайной симпатией. Когда кто-то кланялся ему, он коротко кивал в ответ.

Убедившись, что клиентский старейшина вовсе не высокомерен, первый ученик, ободрённый, отступил — и ему на смену уже выходил следующий. Так постепенно к нему приблизился мальчишка лет шестнадцати-семнадцати, нерешительно переступая с ноги на ногу.

Бай Цзыюй был едва ли не единственным среди этого стада яйцеголовых, у кого на голове сохранились волосы.

В тот раз Цю Чэньчжи заслонил его собой, и большая часть холодного тёмного пламени обошла его стороной — лишь краешек огня лизнул одежду и поглотил добрую половину длинных волос. Теперь они едва доходили до плеч. В причёску уже не завяжешь, а обожжённые кончики, сколько ни подравнивай, всё равно выдавали себя чуть поблёкшим цветом.

И всё же на лице у мальчишки было написано искреннее восхищение, за которым с трудом скрывался трепет. Заикаясь, он произнёс:

— Ст... старейшина, д-доброе... дня... ученик приветствует старейшину...

Молодые от природы тянутся к силе. Бай Цзыюй и прежде питал тёплые чувства к Цю Чэньчжи, когда считал его просто старшим товарищем-даосом, — а после того, как увидел его в деле на учебном плацу, и вовсе потерял голову от восхищения.

Вот только тогда он думал, что Цю Чэньчжи — такой же ученик, как и он сам. Оказалось — клиентский старейшина, превосходящий его на целую пропасть. Это несколько остудило мальчишеский пыл.

А ещё старейшина Цю при всех отрёкся от знакомства с ним — пусть и ради его же защиты, это Бай Цзыюй понимал, — но где-то в глубине по-прежнему колебался и робел.

Увидев этот растерянный, зажатый вид, Цю Чэньчжи невольно смягчился. Уголок его губ чуть дрогнул.

«Маленький золотоволосый. Цел, не облысел. Хорошо».

Он чуть помедлил и уже открыл рот:

— Тебя... как зовут?

— А-а-а-а! —

Снизу взвился такой отчаянный, леденящий душу вопль, что слова застряли у него на языке.

— Что там случилось?!

Мо Хань отреагировал первым. Прорезав строй учеников, он громко спросил.

Ученики переглядывались, никто ничего не знал. Одна девушка вдруг побелела и вскрикнула:

— Этот голос... это голос Чжан-шиди!

— Точно его! Что с ним случилось, откуда такой вопль?!

Лицо у неё стало серым. Метнувшись на мече в сторону, она явно намеревалась камнем упасть вниз.

— Спокойно!

Цю Чэньчжи был рядом — придержал её за плечо и произнёс тихо, но твёрдо:

— Не паникуй. Говори по порядку.

— Мы ещё в пределах земель Ордена Великого Небытия. Если не случилось чего-то из ряда вон выходящего, ученикам здесь ничего не угрожает.

Под его рукой она немного успокоилась, хотя лицо оставалось мертвенно-белым. Выдохнув, заговорила:

— Чжан-шиди погнался за шляпой, которую унесло ветром, — спустился на мече к самой земле. Я видела, что он отбился от группы, но не придавала этому значения.

— Он на стадии Закладки Фундамента: опыта немного, но он прямой ученик старейшины — учитель его балует, артефактами увешан. Если бы речь шла об обычной опасности, он бы не кричал так страшно.

Шляпа... унеслась ветром... бросился догонять...

Цю Чэньчжи замер.

Тот самый невезучий мальчишка?

Взгляд его похолодел.

— Мо Хань, — сказал он, — оставайся здесь. Держи учеников вместе.

Раз уж он взялся сопровождать их в этом выходе за пределы ордена — значит, его долг привести всех обратно целыми.

Мо Хань нахмурился:

— Я пойду с тобой. Остальные тоже разделятся и будут искать Чжан-шиди.

— Нет. Я справлюсь один.

Цю Чэньчжи отклонил предложение и бросил на него усталый взгляд.

«Дитя, ты разве не знаешь? В романах и сериалах, когда вот так вот делятся на группы, противник, притаившийся в тени, снимает людей одного за другим».

И сам он, если честно, вовсе не горел желанием спускаться туда. Если б была хоть какая возможность...

— Пересчитай всех, проверь, нет ли ещё потерявшихся.

Оставив Мо Ханя с этими словами, он устремился вниз — луч света, растворившийся среди деревьев.

Мо Хань остался один. Долго смотрел туда, куда тот исчез.

Рука медленно сжалась в кулак.

Потом так же медленно разжалась.

Старший брат ордена подавил в себе боевой порыв и оглядел испуганных, растерянных юнцов.

— Считаем головы, — велел он.

\*\*\*

Под ними раскинулся густой горный лес, а у его подножия, совсем рядом, тянулся оживлённый

городок — место не глухое и не пустынное.

То есть они едва успели покинуть горы Ордена Великого Небытия, как уже потеряли ученика.

Орден Великого Небытия — первый среди всех орденов мира культивации. Если кто-то устроил это намеренно, то смелость у него поистине запредельная.

Цю Чэньчжи летел на мече, намереваясь опуститься там, где лес смыкался с городком.

Но прежде чем его меч успел коснуться макушек деревьев, из чащи выметнулось что-то кровавое — острое, как удар клинка, — прямо ему в лицо.

В ноздри ударило густым запахом крови. Багровое нечто — то ли змея, то ли бич — летело ему прямо в щёку, и рассекаемый им воздух уже тербил выбившиеся у виска волосы.

Из лесной чащи доносился жуткий drobный смех.

Взгляд Цю Чэньчжи похолодел. Перекатившись в воздухе, он ушёл от кровавой твари и носком сапога выбил меч из-под ног — клинок взмыл, и он поймал его за рукоять.

С мечом в руке спокойствие вернулось. Не давая кровавой змееподобной вещи атаковать снова, он ударил — без колебаний.

Сияние, подобное зеркальной осенней воде, рассекло небо.

Вместе со вспышкой на землю рухнул кусок — скользкий, студенистый, похожий на дождевого червя, ободранного живьём. На земле он извивался и корчился.

Цю Чэньчжи присмотрелся.

Брезгливость поднялась откуда-то из живота.

«Фу. Что за мерзость».

Жуткий смех из леса оборвался. Долгая тишина — и из чащи наконец выдавился одинокий изумлённый звук.

— Ой?



<http://bllate.org/book/20750/2130869>